

ОСИФЛЯНЕ И НЕСТЯЖАТЕЛИ

Одним из главных центров духовности на Руси был Кирилло-Белозерский монастырь. Обитель поддерживала давние связи с Византией. В ее стенах собрались известные книжники. При Иване III большую известность приобрел кирилловский старец Паисий Ярославов, прославившийся своим подвижничеством. Решив низложить Геронтия, государь просил Паисия принять сан митрополита, но тот отказался от такой чести. Учеником Паисия был Нил Сорский. Нил, в миру Николай, происходил из дьяческой семьи Майковых, близкой ко двору Ивана III. Дьяки — великокняжеские чиновники, будущая бюрократия — принадлежали к самой образованной части русского общества. После пострижения Нил совершил путешествие на Афон в Грецию и, может быть, в Палестину. Там он близко познакомился с идеями исихазма. Благодаря трудам Григория Паламы идеи исихазма приобрели исключительное значение в византийском религиозном сознании в XIV в. Не внешняя мудрость, учили исихасты, а внутреннее самоуглубление открывает путь к истине. Погружение в себя дает состояние покоя (исихия), «фаворского света», то есть общения с Богом. На Руси идеи Паламы стали известны сравнительно рано. Но в то время почвы для восприятия его мистических теорий тут еще не было. Исихазм стал достоянием русской религиозной мысли благодаря Нилу Сорскому. Нил не касался темы «фаворского света» и не цитировал Григория Паламу. Он не был паламитом, и его исихазм невозможно полностью отождествить с какой-то одной из византийских школ. «Исихия» Нила восходила к опыту древних византийских монахов-отшельников и к идеям продолжателя их дела Григория Синаита. В центре монашеской жизни, по Нилу, стоит молитва как средство борьбы с искушениями и греховными помыслами, тщеславием и гордыней. Ответом на соблазны являются «умное делание», «сокрушение», «слезный дар». «Глубочайшее чувство собствен-

ной греховности, проникающее всего человека, одно может признавать милость Божию, которая и дарит исихию, — в этом суть учения Нила» (Ф. Лилиенфельд). По возвращении с Афона Нил основал скит на реке Сорке (отсюда прозвище Сорский) в окрестностях Кирилло-Белозерского монастыря. На Руси давно были известны пустыни-скиты, но лишь Нил дал им теологическое обоснование. Сочинения Сорского на первый взгляд кажутся причудливой мозаикой, сотканной из цитат. Но ближайшее рассмотрение показывает, что это — «говорение своего чужими словами», когда эти слова воплощают пережитое и воплощенное в личном аскетическом опыте. Примечателен Устав Нила Сорского — поучение в монашеской жизни, «итог его пути покаяния». Нищета, в глазах пустытника, была верным путем для достижения идеала духовной жизни. «Очисти келью твою, — учил старец, — и скудость вещей научит тя (тебя) воздержанию. Возлюби нищету, и нестяжание, и смирение». Монахам надлежит жить в нищете и кормиться плодами своих трудов. «Телесное» служит приготовлением к погружению в духовную жизнь. «Телесное» подобно листьям, тогда как духовная жизнь — плоды дерева. Без «умного делания» телесное — лишь «сухие сосцы». Завещание Нила проникнуто духом самоотречения и смирения: «Повергните тело мое в пустыне, — наказывал старец ученикам, — да изъядят е(го) зверие и птица, понеже согрешило есть к Богу много и недостойно погребения».

Современником Ивана III был другой подвижник русской церкви — Иосиф Волоцкий (в миру Иван Санин). Иосиф происходил из мелких дворян Волоколамска. В молодости он принял пострижение от старца Пафнутия в Боровском монастыре и стал его преемником. Пафнутьев монастырь был семейной обителью Ивана III. Санина ждала блестящая карьера. Но он покинул Боровск и в 1479 году уехал в родной Волоколамск, столицу удельного князя Бориса Васильевича. Там он основал Волоколамский монастырь. Подобно Нилу Иосиф отвергал стяжательство (накопление богатств) как средство личного обогащения. Но он решительно отстаивал богатства монас-

тырской общины, видя в этих богатствах средство милосердия и благотворительности.

Иосиф делал займы и кормил бедных; увещевал богатых помочь нищим. Дмитровскому удельному князю Юрию Ивановичу он писал: «Бога ради и пречистой Богородицы, пожалуй, государь, попекись о православном христианстве, о своем отечестве, подобно древним православным царям и князьям, которые позаботились о своих подданных во время голода: который государь имел у себя много хлеба, раздавал его неимущим или приказывал продавать недорого, устанавливал цену, поговоривши с боярами, как надобно, полагал запрет страшный на ослушников, как и теперь сделал брат твой великий князь Василий Иванович всея Руси. Если ты распорядишься так в своем государстве, то оживишь нищих людей, потому что уже многие теперь люди мрут с голоду, а, кроме тебя, некому этой беде пособить; никто другой не может ничего сделать, если ты не позаботишься и не установишь цены своим государским повелением».

В Волоколамском монастыре с наибольшей полнотой были осуществлены принципы общинножительства иноков (принципы киновия, коммун). Волоцкий обладал приятной внешностью и звучным голосом, был равнодушен к удобствам жизни и довольствовался заплатанной рясой. Он проявлял редкую заботливость о своих сподвижниках и учениках, зато его непримиримость и жестокость к идейным противникам не знали границ. Много энергии Иосиф тратил на то, чтобы приобрести земли для своего монастыря и скопить денежные богатства. Обители надлежало принимать «села» (вотчины) у богатых, чтобы благотворить нищим. Это правило было для Иосифа руководством к действию. При частых неурожаях Иосифо-Волоколамский монастырь раздавал хлеб тысячам обедневших крестьян и нищих, спасая их от голодной смерти. «Киновий» Иосифо-Волоколамского монастыря был большим достижением для своего времени. Обитель отражала особен-

ности личности своего основателя. Усилия монастырских старцев были направлены на поддержание внешнего благочестия и безусловного послушания. Иноки находились под неусыпным наблюдением игуменов и старательно следили друг за другом; «монастырская дисциплина смиряла энергию характера, сглаживала личные особенности, приучала к гибкости и податливости и вырабатывала людей, готовых поддерживать и распространять идеи основателя монастыря» (П. Милюков). Ученики Иосифа усвоили и довели до крайних пределов такую черту своего учителя, как начетничество. «Всем страстям мати — мнение; мнение (самостоятельная мысль) — второе падение (грехопадение)», — так сформулировал свое кредо один из учеников Волоцкого. Отсутствующую мысль — «мнение» — осифляне компенсировали цитатами, которые всегда имели «на кончике языка». Суть христианства начетчики видели не в познании и размышлении, а в устройстве жизни в соответствии с догматически истолкованными священными текстами.

Сравнивая дела и теории Нила Сорского и других заволжских старцев (их скиты располагались за Волгой) с деятельностью Иосифа Волоцкого, Г. Флоровский пришел к выводу, что именно в «заволжском движении» воплотился процесс духовного и нравственного сложения христианской личности на Руси.

Представление о полной отрешенности белозерских монахов от жизни общества и внутрицерковных и политических катаклизмов времени не вполне точно. Когда Иван III вздумал низложить Геронтия, он далеко не случайно предложил сан митрополита Паисию Ярославову, учителю Нила и других заволжских старцев. Некоторое время спустя Паисий по настоянию государя возглавил Троице-Сергиев монастырь. Игумены этой обители играли заметную роль во внутрицерковной жизни России. Знатные постриженники Троицы не желали подчиняться принципам, которые исповедовали заволжские старцы, и Паисию пришлось оставить монастырь. По словам современника, иноки из князей и бояр не желали ему повиноваться и даже хотели его убить.

Иван III искал союзников среди заволжских старцев, так как их принципы могли быть использованы для оправдания секуляризационных устремлений светской власти. Вопрос об отчуждении церковных вотчин приобрел актуальность после покорения Новгорода. Новгородский опыт неизбежно должен был породить споры в среде русского духовенства. Отчуждение вотчин у новгородского Софийского дома в 1478 г. казалось вполне оправданным, тем более что эта мера была проведена по предложению боярского правительства Новгорода. Труднее было объяснить посягательства на богатства церкви через двадцать лет после того, как в Новгороде воцорилась московская светская и церковная администрация. Присланный из Москвы архиепископ Геннадий решительно возражал против грабительских мер казны. При нем в Софийском доме был составлен синодик, грозивший церковным проклятием всем «начальствующим», кто обижает святые Божии церкви и монастыри и отнимает у них «данные тем села и винограды».